

Н. Гумилев

ШАТЕР

СТИХИ

ИЗДАНИЕ ЦЕХА ПОЭТОВ, 1921

ШАТЕР

1871

Н. ГУМИЛЕВ

ШАТЕР

Стихи 1918 г.

СЕВАСТОПОЛЬ

Памяти
моего товарища
в африканских странствиях
Николая Леонидовича
Сверчкова

ВСТУПЛЕНИЕ

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламень и дымы,
О тебе, моя Африка, шопотом
В небесах говорят серафимы.

И твою открывая Евангелю,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думают ангеле,
Что приставлен к тебе, безразсудной.

Про деянья свои и фантазии,
Про звериную душу послушай,
Ты на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.

Обреченный тебе, я поведаю
О вождях в леопардовых шкурах,
Что во мраке лесов за победою
Водят воинов стройных и хмурых.

О деревнях с кумирами древними,
Что смеются усмешкой недоброй,
И о львах, что стоят над деревнями
И хвостом ударяют о ребра.

Дай за это дорогу мне торную
Там, где нету пути человеку,
Дай назвать моим именем черную,
До сих пор неоткрытую реку;

И последнюю милость, с которою
Отойду я в селенья святые,
Дай скончаться под той сикоморою
Где с Христом отдыхала Мария.

КРАСНОЕ МОРЕ

Здравствуй, Красное Море, акуля уха,
Негритянская ванна, песчаный котел,
На твоих берегах вместо влажного мха
Известняк, как чудовищный кактус, расцвел.

На твоих островах в раскаленном песке,
Позабывтых приливом растущим в ночи,
Умирают страшилища моря в тоске,
Осминоги, тритоны и рыбы—мечи.

С африканского берега сотни пироги
Отплывают и жемчуга ищут вокруг
И стараются их отогнать на восток
С аравийского берега сотни фелуг.

Как учитель среди шалунов, иногда
Океанский проходит среди них пароход,
Под винтом снеговая клокочет вода
А на палубе красные розы и лед.

Ты безсильно над ним, пусть ревет ураган,
Набухает волна за волной, как гора,
Лишь и будет, что скажет, вздохнув, капитан.
„Слава Богу свежо, надоела жара!“

Блещет воздух стеклянный, налитый огнем,
И лучи его сыпятся, словно цветы,
Море, Красное Море, ты царственно днем,
Но ночами еще ослепительней ты.

Только в небо скользнут водяные пары.
Тени черных русалок мелькнут на волнах,
Нам чужие созвездья, кресты, топоры,
Над тобой загорятся в небесных садах.

Из лесистых ущелий приходят слоны,
Чутко слушая волн набегающих гул,
Обожать отраженье ущербной луны
Подступают к воде и боятся акул.

И когда выступает луна на зенит,
Вихрь проносится, запахи моря тая
От Суэца до Бабель-Мандеба звенит,
Как Эолова арфа поверхность твоя.

И ты помнишь, как, только одно из морей,
Ты когда то исполнило Божий закон,
Ты раздвинуло цепкие руки зыбей,
Чтоб прошел Моисей и погиб Фараон.

ЕГИПЕТ

Как картинка из книжки старинной,
Услаждавшей мои вечера,
Изумрудные эти равнины
И раскидистых пальм веера.

И каналы, каналы, каналы,
Что несутся вдоль глиняных стен,
Орошая Дамьетские скалы
Розоватыми брызгами пен.

И такие смешные верблюды
С телом рыб и с головками змей,
Словно дивные, древние чуда
Из глубин пышноцветных морей.

Вот каким ты увидишь Египет
В час божественный трижды, когда
Солнцем день человеческий выпит
И колдуя, струится вода.

Это лик благосклонной Изиды
Или пламя встающей луны?
Неужели хотят пирамиды
Посягнуть на покой вышины?

Сфинкс улегся на страже святыни
И с улыбкой глядит с высоты,
Ожидая гостей из пустыни,
О которых не ведаешь ты.

Но довольно! Ужели ты хочешь
Вечно жить средь минувших услад-
И не рад ты сегодняшней ночи
И сегодняшним звездам не рад?

Не обломок старинного крипта,
Под твоей зазвеневший ногой,
Есть другая душа у Египта
И торжественный праздник другой-

Словно пестрая Фата - Моргана,
Виден город, над городом свет;
Над мечетью султана Гассана
Протыкает луну минарет.

На широких и тихих террасах
Чешут женщины золото кос,
Угощая подруг темноглазых
Имбирем и вареньем из роз.

Шейхи молятся, строги и хмуры
И лежит перед каждым Коран,
Где персидские миниатюры,
Словно бабочки сказочных стран.

А поэты скандируют строфы,
Развалившись на мягкой софе
Пред кальяном и огненным кофе
Вечерами в прохладных кафе.

Здесь не даром страна сотворила
Поговорку, прошедшую мир:
— Кто испробовал воду из Нила
Будет вечно стремиться в Каир.

Пусть хозяева здесь англичане,
Пьют вино и играют в футбол
И калифа в высоком Диване
Уж не властен святой произвол.

Пусть, но истинный царь над страной
Не араб и не белый, а тот
Кто с сохой или с бороной
Черных буйволов в поле ведет.

Пусть ютится он в доме из ила,
Умирает, как звери, в лесах,
Он—любимец священного Нила
И его современник феллах.

Для него ежегодно разливы
Этих рыжих всклокоченных вод
Затопляют богатые нивы,
Где тройную он жатву берет.

И его охраняя пороги
Полосой острогрудых камней
От внезапной, полночной тревоги,
От коротких нубийских мечей.

А ведь знает и коршун безсонный,
Вся страна—это только река,
Окруженная рамкой зеленой
И второй золотой, из песка.

Если аист какойнибудь близко
Поселится на поле твоём,
Напиши по английски записку
И ему привяжи под крылом.

И весной, на листе эвкалипта,
Если аист вернется назад,
Ты получишь привет из Египта
От веселых феллашских ребят.

САХАРА

Все пустыни от века друг другу родны,
Но Аравия, Сирия, Гоби
— Это лишь затиханье Сахарской волны
В сатанинской воспрянувшей злобе.

Плещет Красное Море, Персидский Залив,
И глубоки снега на Памире,
Но ее океана песчаный разлив
До зеленой доходит Сибири.

Ни в прохладе лесов, ни в просторе морей
Ты в одной лишь пустыне на свете
Не захочешь людей и не встретишь людей,
А полюбишь лишь солнце, да ветер.

Солнце клонит лицо с голубой высоты
И лицо это девственно—юно
И как струи пролитого солнца чисты
Золотые песчаные дюны.

Блещут скалы, темнеют под ними внизу
Древних рек каменные ложа,
На покрытое волнами море в грозу,
Ты промолвишь, Сахара похожа.

Но взглядишь, эта вечная слава песка,
Только горьняго отсвет пожара.
С небесами, где легкие спят облака,
Бродят радуги, схожа Сахара.

Буйный ветер в пустыне второй властелин,
Вот он мчится порывами, точно
Средь высоких холмов и широких долин
Дорогой иноходец восточный.

И чудовищных пальм вековые стволы,
Стены праха поднялись и пухнут,
Выгибаясь, качаясь, проходят средь мглы.
Тайно веришь, вовеки не рухнут.

Но мгновенье . . . отстанет и дрогнет одна
И осядет песчаная груда,
Это значит, в пути натолкнулась она
На ревущего в страхе верблюда.

И стоит караван, а его проводник
Всюду посохом шарит в тревоге,
Где то около плещет знакомый родник,
Но к нему он не знает дороги.

А в оазисе слышится ржание коня
И разносится веяние нарда,
Хоть редки острова в океане огня,
Словно пятна на шкуре гепарда.

Здесь так часто шумит оглушительный бой
Блещут копья и веют бурнусы
Туарегов, что западной правят страной,
На востоке не любят тиббусы.

И пока они бьются за пальмовый лес,
За коня, иль улыбку рабыни,
Их родную Тибести, Мурзук, Гадамес.
Заметают пески из пустыни.

Потому что пустынные ветры горды
И не знают преград своеволью,
Рушат стены, ломают деревья, пруды
Засыпают белеющей солью.

И быть может немного осталось веков,
Как на мир наш зеленый и старый
Жадно ринутся хищные стаи песков
Из пылающей, юной Сахары.

Средиземное Море засыпят они,
И Париж, и Москву и Афины,
И мы будем в небесные верить огни,
На верблюдах своих бедуины.

И когда наконец корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной, золотой океан
И дадут ему имя: Сахара.

С У Д А Н.

Ах, наверно сегодняшним утром
Слишком громко звучат барабаны,
Крокодилей обтянуты кожей,
Слишком громко зывают колдуньи
На утесах Нубийского Нила,
Потому что сжимается сердце,
Лоб горяч и глаза потемнели,
И в мечтах оживленная пристань,
Голоса загорелых матросов,
В белой пене зеленое море,
А за ним сикоморы Дарфура,
Галлереи—леса Кордофана
И спокойные воды Борну.

Города, озаренные солнцем,
Словно клады в зеленых труппах,
А над ними, как черные руки,
Минареты возносятся к небу;
И на тронах из кости слоновой,
Возседают, как дикие бреды,
Короли и владыки Судана.
Рядом с каждым прикованный цепью
Лев прищурился, голову поднял,
И с усов лижет кровь человечью,
Рядом с каждым возносит секиру
Черный, словно душа властелина,
В ярко-красной одежде палач.

Перед ними торговцы рабами
Свой товар горделиво проводят,
Стонут женщины в тяжких колодках
И зрачки их сверкают на солнце.
Проезжают вожди из пустыни
В драгоценных зеленых тюрбанах
Перья длинные страуса выются
Над затылком коней золотистых.
И спокойно проходят французы,
Гладко выбриты, в белой одежде,
В их карманах бумаги с печатью
И пред ними владыки Судана
Поднимаются с тронов своих.

АБЕССИНИЯ.

I.

Между берегом буйнаго Красного Моря
И Суданским таинственным лесом видна,
Разметавшись среди четырех плоскогорий,
С отдыхающей львицею, схожа страна.

Север—это болото без дна и без края,
Змеи черные подступы к ним стерегут,
Их сестер, лихорадок, зловещая стая,
Желтолицая здесь обрела свой приют.

А над ними нахмурились дикие горы,
Вековая обитель разбоя, Тигрэ,
Где оскалены бездны, вз'ерошены боры
И вершины стоят в снеговом серебре.

В плодоносной Амхаре и сеют и косят,
Зебры любят мешаться в домашний табун
И под вечер прохладные ветры разносят
Звуки песен гортанных и рокоты струн.

Абессинец поет, и рыдает багана,
Воскрешая минувшее, полное чар:
Было время, когда перед озером Тана
Королевской столицей взносился Гондар.

Под платанами спорил о Боге ученый,
Вдруг пленяя толпу благозвучным стихом,
Живописцы писали царя Соломона
Меж царицею Савской и ласковым львом

Но, поверив шоанской искательной лести
Из старинной отчизны поэтов и роз
Мудрый слон Абессинии, Негус Негести,
В каменистую Шоа свой трон перенес.

В Шоа воины сильны, свирепы и грубы,
Курыт трубки и пьют опяняющий тедж,
Любят слышать одни барабаны и трубы,
Мазать маслом ружье, да оттачивать меч.

Харраритов, галла, сомали, данакилей,
Людоедов и карликов в чаще лесов
Своему Менелику они покорили,
Устелили дворец его шкурами львов.

И, смотря на утесы у горных подножий,
На дубы и огромных небес торжество,
Европеец дивится, как странно похожи
Друг на друга народ и отчизна его.

II.

Колдовская страна!—Ты на дне котловины,
Задышаешься, солнце палит с высоты,
Над тобою разносится крик ястребиный.
Но в сияньи заметишь ли ястреба ты?

Пальмы, кактусы, в рост человеческий травы,
Слишком много здесь этой паленой травы,
Осторожнее! в ней притаились удавы,
Притаились пантеры и рыжие львы.

По обрывам и кручам дорогой тяжелой
Поднимись, и нежданно увидишь вокруг
Сикоморы и розы, веселые села
И широкий, народом пестреющий луг.

Здесь колдун совершает привычное чудо,
Там, покорна напеву, танцует змея,
Кто сто таллеров взял за больного верблюда,
Сев на камне в тени, разбирает судья.

Поднимись еще выше: какая прохлада!
Словно поздней осенью пусты поля,
На развете ручьи замерзают, и стадо
Собирается в кучи под кровлей жилья.

Павианы рычат средь кустов молочая,
Перепахавшись в белом и липком соку,
Мчатся всадники, длинные копья бросая,
Из винтовок стреляя на полном скоку.

И повсюду вверху и внизу караваны
Дышат солнцем и пьют неоглядный простор,
Уходя в до сих пор неоткрытые страны
За слоновою костью и золотом гор.

Как любил я бродить по таким же дорогам,
Видеть вечером звезды, как крупный горох,
Выбегать на холмы за козлом длиннорогим,
По ночам зарываться в седеющий мох.

Есть музей этнографии в городе этом
Над широкой, как Нил, многоводной Невой,
В час, когда я устану быть только поэтом
Ничего не найду я желанней его.

Я хожу туда трогать дикарские вещи,
Что когда то я сам издалека привез,
Слышать запах их странный, родной и зловещий,
Запах ладана, шерсти звериной и роз.

И я вижу, как южное солнце пылает,
Леопард, изогнувшись, ползет на врага,
И как в хижине дымной меня поджидает
Для веселой охоты мой старый слуга.

ГАЛЛА

Восемь дней из Харрара я вел караван
Сквозь Черчерские дикие горы
И седых на деревьях стрелял обезьян,
Засыпал средь корней сикоморы.

На девятую ночь я увидел с горы
— Эту ночь никогда не забуду! —
Там, далеко, в чуть видной равнине костры,
Точно красные звезды, повсюду.

И помчались одни за другими они,
Словно тучи в сияющей сини,
Ночи трижды святые и яркие дни
На широкой галласской равнине.

Все, к чему приближался навстречу я тут,
Было больше, чем видел я раньше,
Я смотрел, как огромных верблюдов пасут
У широких прудов великанши;

Как саженого роста галласы, скача
В леопардовых шкурах и львиных,
Убегающих страусов рубят с плеча
На горячих конях исполинах;

И как поят парным молоком старики
Умиравших змей престарелых
И, мыча, от меня убегали быки,
Никогда не выдавшие белых.

Вечерами я слышал у входа пещер
Звуки песен и бой барабанов,
И тогда мне казалось, что я Гуливер,
Позабутый в стране великанов.

И таинственный город, тропический Рим,
Шейх-Гуссейн я увидел высокий,
Поклонился мечети и пальмам святым,
Был допущен пред очи пророка.

Жирный негр возседал на персидских коврах,
В полутемной, не убранной зале,
Точно идол в браслетах, серьгах и перстнях,
Лишь глаза его дивно сверкали.

Я склонился, он мне улыбнулся в ответ,
По плечу меня с лаской ударя,
Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя.

Все спрашивал он, много ль знают о нем
В отдаленной и дикой России,
Вплоть до моря он славен своим колдовством
И дела его точно благие:

Если мула в лесу ты не можешь найти,
Или раб убежал, безпокойный,
Все отыщешь ты, давши обет принести
Шейх-Гуссейну подарок пристойный.

СОМАЛИ.

Помню ночь и песчаную помню страну
И на небе так низко луну,

И я помню, что глаз я не мог отвести
От ее золотого пути.

Там светло и наверное птицы поют
И цветы над прудами цветут,

Там не слышно, как бродят свирепые львы,
Наполняя рыканием рвы,

Не хватают мимозы колючей рукой
Проходящего в бездне ночной.

В этот вечер, лишь тени кустов поползли,
Подходили ко мне сомали,

Вождь их с рыжею шапкою косматых волос
Смертный мне приговор произнес,

И насмешливый взор из под спущенных век
Видел, сколько со мной человек.

Завтра бой, беспощадный томительный бой,
С завывающей черной толпой,

Под ногами верблюдов сплетение тел,
Дождь отравленных копий и стрел...

И до боли я думал, что там, на луне,
Враг не мог бы подкрасться ко мне.

Ровно в полночь я мой разбудил караван,
За холмом грохотал океан,

Люди гибли в пучине, и мы на земле
Тоже гибели ждали во мгле.

Мы пустились в дорогу. Дышала трава,
Точно шкура вспотевшаго льва,

И белели среди черных, священных камней
Вороха черепов и костей.

В целой Африке нету грозней сомали,
Безотраднее нет их земли,

Сколько белых пронзило во мраке копье
У песчаных колодцов ее,

Но приходят они и сражаются тут,
Умирают и снова идут.

И когда, перед утром, склонилась луна,
Уж не та, а страшна и красна,

Понял я, что она, словно рыцарский щит,
Вечной славой героям горит,

И верблюдов велел положить, и ружью
Вверил вольную душу мою.

ГОТЕНТОТСКАЯ КОСМОГОНИЯ.

Человеку грешно гордиться,
Человека ничтожна сила,
Над землею когда то птица
Человека сильнее царила.

По утрам выходила рано
К берегам крутым океана
И глотала целые скалы,
Острова целиком глотала.

А священными вечерами,
Над багряными облаками
Поднимая голову , пела,
Пела Богу про Божье дело.

А ногами чертила знаки,
Те, что знают в подземном мраке.
Все, что будет, и все, что было,
На песке ногами чертила.

И была она так прекрасна,
Так чертила, пела согласно,
Что решила с Богом сравниться
Неразумная эта птица.

Бог, который весь мир разчислил
Угадал ее злые мысли
И обрек ее на несчастье,
Разорвал ее на две части.

И из верхней части, что пела,
Пела Богу про Божье дело,
Родились на свет готтентоты
И поют, поют без заботы.

А из нижней, чертившей знаки,
Те, что знают в подземном мраке,
Появились на свет бушмены;
Украшают знаками стены.

А те перья, что улетели
Далеко в океан, доселе
К нам плывут, как белые люди,
И когда их довольно будет

Вновь срастутся бывшая части
И опять изведает счастье,
В белых перьях большая птица
На своей земле воцарится:

ДАГОМЕЯ.

Царь сказал своему полководцу:—Могучий
Ты велик, точно слон, повелитель лесов.
Но ты все таки ниже наваленной кучи,
Отсеченных тобой человеческих голов.

„Ожерелий, колец с дорогими камнями
Я недавно отправил тебе караван.
Но ты больше побед одержал над врагами,
На груди твоей больше заслуженных ран.

„И как доблесть твоя, о единственный воин,
Так и милость моя не имеет конца,
Видишь, солнце над морем, иди, ты достоин
Быть слугою моего золотого отца“.

Барабаны забили, защелкали бубны,
Иступленные люди завыли вокруг,
Амазонки запели протяжно, и трубный
Прокатился по морю от берега звук.

Полководец царю поклонился в молчаньи
И с утеса в бурливое море скакнул,
И тонул он в воде, а, казалось, в сияньи
Золотого закатного солнца тонул.

Оглушали его барабаны и крики,
Ослепляли соленые брызги волны
Он исчез, и светилось лицо у владыки,
Словно черное солнце подземной страны.

ЛИБЕРИЯ.

Берег Верхней Гвинеи богат
Медом, золотом, костью слоновой.
За оградю каменных гряд
Все пришельцу нежданно и ново.

По болотам блуждают огни,
Черепаха грузнее утеса,
Клювоносы таятся в тени
Своего исполинского носа.

В восемнадцатом веке сюда
Лишь за деревом черным, рабами,
Из Америки плыли суда,
Под распущенными парусами.

И сюда же на каменный скат
Пароходов толпа быстроходных
В девятнадцатом веке назад
Привезла не рабов, а свободных.

Видно поняли нрав их земли
Вашингтонские старые девы,
Что такие плоды принесли
Благонравных брошюрок посевы.

Адвокаты, доценты наук,
Пролетарии, нищие, воры,
Все, что нужно в республике, вдруг
С гиком ринулись в тихие горы.

Разселились. Тропический лес,
Утонувший в таинственном мраке,
В сонм своих безконечных чудес
Принял дамские шляпы и фраки.

— „Господин президент, ваш слуга!“ —
Вы с поклоном промолвите быстро,
Но взгляните, черней сапога
Господин президент и министры.

— „Вы сегодня бледней, чем всегда“ —
Позабывшись вы скажете даме
И что дама ответит тогда,
Догадайтесь пожалуйста сами.

То повиснув на тонкой лозе.
То скрываясь среди листьев узорных,
В темной чаще живут шимпанзе
По соседству от города черных.

По утрам, услышав с высоты
Протестанское пенье во храме,
Как в большой барабан, в животы
Ударяют они кулаками.

А когда загорятся огни,
Внемля фразам вечерних приветствий,
Тоже парами бродят они,
Вместо тросточек выломав ветви.

Европеец один уверял,
Президентом за что то обижен,
Что большой шимпазе потерял
Путь назад среди окраинных хижин.

Он не струсил, и, пестрым платком
Подвязав свой живот волосатый,
В президентский отправился дом,
Президент отлучился куда то.

Там размахивал палкой своей,
Бил посуду, шатался, как пьяный,
И, не узнана, целых пять дней
Управляла страной обезьяна.

ЭКВАТОРИАЛЬНЫЙ ЛЕС.

Я поставил палатку на каменном склоне
Абессинских, саегающих к зададу гор
И недели смотрел как пылают закаты
Над зеленою крышей далеких лесов.

Прилетали оттуда какие то птицы
С изумрудными перьями в длинных хвостах,
По ночам выбегали виселые зебры,
Мне был слышен их храп и удар копыт.

И однажды Закат был особенно красен
И особенный запах летел от лесов
И к полатке моей подошел европеец
Исхудалый, небритый, и есть попросил.

Вплоть до ночи он ел, неумело и жадно,
Клал сардинки на мясо сухого ломот,
Как пилюли проглатывал кубики магги
И в абсент добавлять отказался воды.

Я спросил, почему он так мертвенно бледен;
Почему его руки сухие дрожат,
Как листы? — „Лихоратки великого леса“, —
Он ответил и с ужасом глянул назад.

Я спросил про большую открытую рану,
Что сквозь тряпки чернела на впалой груди,
Что с ним было? — „Горилла великого леса“, --
Он сказал и не смел оглянуться назад.

Был с ним карлик, мне по пояс, голый и черный,
Мне казалось, что он не умел говорить,
Точно пес, он сидел за своим господином,
Положив, на колени бульдожье лицо.

Но когда мой слуга подтолкнул его в шутку,
Он оскалил ужасные зубы свои
И потом целый час волновался и фыркал
И раскрашенным дротиком бил по земле.

Я постель предоставил усталому гостю,
Лег на шкурах пантер но не мог задремать,
Жадно слушая длинную, дикую повесть,
Лихорадочный бред пришлеца из лесов.

Он вздыхал: — „Как темно! Этот лес безконечен,
Не увидеть нам солнца уже никогда!
Пьер дневник у тебя, на груди под рубашкой?
Лучше жизнь потерять нам, чем этот дневник.

— Почему нас оставили черные люди?
Горе! Компасы наши они унесли!
Что нам делать? Невидно ни зверя, ни птицы,
Только шорох и посвист вверху и внизу.

— „Пьер, ты видишь костры? Там наверно люди!
Неужели же мы наконец спасены?

Это карлики: . . сколько их, сколько собралось. . .
Пьер, стреляй! На костре человечья нога!

— „В рукопашную! Помни, отравлены стрелы!
Бей того, кто на пне, он кричит, он их вождь!
Горе мне, на куски разлетелась винтовка. . .
Ничего не могу. . . повалили меня.

— „Нет, я жив, только связан! Злодеи, злодеи.
Отпустите меня я не в силах смотреть!
Жарят Пьера, а мы с ним играли в Марселе
У веселого моря играли детьми.

— „Что ты хочешь, собака? Ты встал на колени?
Я плюю на тебя, омерзительный зверь!
Но ты лижешь мне руки, ты рвешь мои путы?
Да, я понял, ты Богом считаешь меня.

— „Ну бежим! Не бери человечьяго мяса,
Всемогущие боги его не едят.
Лес! О лес бесконечный! Я голоден Акка,
Излови, если можешь, большую змею“. —

Он стонал, он хрипел, он хватался за сердце,
А на утро, почудилось мне, задремал,
Но когда я его разбудить попытался,
Я увидел, что мухи ползли по глазам.

Я его закопал у подножия пальмы,
Крест поставил над грудой огромных камней.
И простые слова написал на доске:
— Христианин зарыт здесь, молитесь о нем.

Карлик, чистя свой дротик, смотрел равнодушно.
Но когда я закончил печальный обряд
Он вскочил, и не крикнув, помчался по склону,
Как олень, убегая в родные леса.

Через год я прочел во французских газетах,
Я прочел и печально поник головой:
Из большой экспедиции к Верхнему Конго
До сих пор ни один не вернулся назад.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление —	—	—	—	—	—	7
Красное Море —	—	—	—	—	—	9
Египет —	—	—	—	—	—	11
Сахара —	—	—	—	—	—	15
Судан—	—	—	—	—	—	19
Абиссиния —	—	—	—	—	—	21
Галла—	—	—	—	—	—	26
Сомали —	—	—	—	—	—	29
Готентотская космогония			—	—	—	32
Дагомея —	—	—	—	—	—	34
Либерия —	—	—	—	—	—	36
Экваториальный лес —	—	—	—	—	—	39

Книги Н. Гумилева

Путь Конвистадоров. Петербург 1905

Романтические цветы. Париж 1908

Жемчуга. Москва 1910

Чужое Небо. Петербург 1912

Эмали и Камеи Теофиля Готье. Петербург 1914

Колчан. Петроград 1916

Мик. Петроград 1918

Костер. Петроград 1918

Фарфоровый Павильон. Петроград 1918

Гильгамеш. Петроград 1918

Дитя Аллаха. Петроград 1918

Издания Цеха Поэтов.

Дракон. Сборник первый. Петроград.

Дракон. Сборник второй. Печатается.

Н. Гумилев. Шатер. Севастополь.

О. Мандельштам. Стихи. Готовится.

Георгий Иванов. Стихи. Готовится.

Николай Оцуп. Стихи. Готовится.

Ирина Одоевцева. Стихи. Готовится.

Сергей Нельдихен. Стихи. Готовится.

Вл. Павлов. Стихи. Готовится.

Государственная Типография
Севастопольск. Полиграф'отдела